

В. М. Сардушкин

О СРЕДНЕМ И ОБОЮДНОМ РОДЕ В БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ

О понятии «средний род»

Средний род в традиционном для грамматики большинства имеющих род индоевропейских языков понимании (равноправный член триады *Masc.—Fem.—Neut.*) из шести рассматриваемых в данной статье языков есть только в четырех: болгарском, македонском, сербохорватском и новогреческом.

Для румынского языка традиционное определение третьего родового класса (не мужской и не женский род) как «среднего рода» (*neutrum*) подверглось резкой критике еще в 1950-х годах. Так, К. Бэйзел писал: «Комбинация двух родовых классов не является особым третьим родовым классом» [1]. Существительным, которые в единственном числе имеют морфологические и синтаксические признаки мужского рода, а во множественном — женского, гораздо больше подходит название «обоюдный род» (*ambigenium*). Оно и принято в современных работах (см. напр. [2, с. 593 и след. стр.]). В албанском языке есть аналогичный румынскому обоюдному («среднему») роду по всем признакам класс имен существительных, но его никогда не называли «средним родом» и вообще обычно не выделяют в особый родовой класс, хотя для такого выделения есть достаточные основания (см. с. 212–213).

В албанских грамматиках выделяется совершенно иной класс существительных среднего рода, о котором есть ряд научных работ (см. с. 211–212). Здесь уместно лишь сказать, что в албанских грамматиках он по ряду обоснованных причин обычно «не рассматривается... наряду с двумя другими родами» [3, с. 134].

Средний род в болгарском и македонском языках

В данных языках к среднему роду относятся все неличные существительные, оканчивающиеся на *-е*, *-и*, *-о*, *-у* (за исключением названий месяцев на *-и*), а также часть личных существительных, оканчивающихся на эти гласные. Среди существительных среднего рода исконные для этих языков имена могут оканчиваться только на *-е* или *-о*, а иноязычные заимствования также на *-и* или *-у*, например: *реми* «ничья» (из франц. *remis*), *интервју* «интервью». Р. П. Усикова утверждает, что в македонском языке при распределении по родам одушевленных существительных «роль пола относительна, не является главной» [4, с. 119]. В качестве основного аргумента она приводит именно отнесенность к среднему роду нескольких групп личных существительных, а именно слов, обозначающих детей: *момче* «мальчик, парень», *девојче* «девочка, девушка»; существительных с уменьшительными или увеличительными суффиксами: *братче* «братишка» (уменьш.), *свериште* «зверюга». При этом Р. П. Усикова не проводит разграничения между личными существительными и наименованиями животных (давая и те и другие в одном списке примеров на соответствие рода морфологической модели [4]). С такой позицией согласиться трудно, потому что лингвистическая типология показывает, что существительные тех групп, к которым можно отнести данный тезис (диминутивы, типа болг. *човече*

«человечек», *Пете*, *Анче*, макед. *братче*) и обозначения невзрослых лиц (болг. *дете* «ребенок», *момче* «мальчик», *момиче* «девочка»), а также дерогативы типа болг. *диване* «дикарь», *конте* «щеголь», *мекере* «негодяй», болг. и макед. *врескало* «плакса», болг. *врѣнкало* «ворчун», болг. *плескало*, макед. *кречетало* «болтун, болтунья», *мрало* «лентяй, лентяйка» в языках мира нередко «ведут себя» не так, как остальные личные существительные, и, в частности, у них может быть не выражен или слабо выражен семантический признак пола, вследствие чего их родовая отнесенность устанавливается вопреки семантике пола, по чисто формальным морфологическим показателям (в частности, ср. нем. *das Mädchen* «девочка, девушка» и др. немецкие существительные среднего рода с суффиксом *-chen*); о данном явлении в древних индоевропейских языках подробно писал М. Я. Немировский, указывавший, что «средний род означал искони не бесполость, а недоразвитие пола, служа для названия детенышей животных и потомства человеческих существ» [5, с. 93]. Аналогичное явление имело место и в албанском языке, в котором в XVI в. существительное *djalë* испытывало колебания между средним и мужским родом, в исконном значении «младенец» чаще относясь к среднему роду (*djalë-të*); приобретая со временем значение «мальчик, юноша; сын», это существительное было морфологически переформировано (*djalë* — *djali*) и перешло в класс мужского рода [6, с. 129–130].

Что же касается существительных, обозначающих взрослых лиц, за исключением диминутивов, дерогативов и имен с увеличительными суффиксами, то такие существительные, как отмечают и Ю. С. Маслов, и Р. П. Усикова, в болгарском и македонском языках неизменно распределяются по мужскому и женскому родам согласно семантике пола их денотата, независимо от морфологических показателей. Ср. болг. *мъж-ът* (макед. *маж-от*) «мужчина» (с «членом» мужского рода) — *баща-та* «отец» (с членом женского рода) — болг. *чичо-то* (макед. *чичко-то*) «дядя» (с членом среднего рода). В этих трех взятых для сравнения примерах определенный артикль (член) того или иного рода избирается в зависимости от окончания общей формы, типичного для того или иного рода. Однако окончание общей формы и зависящая от него членная форма в литературном языке в действительности не являются определяющими род показателями, так как все вышеназванные существительные согласуются только по мужскому роду: *мъж-ът* (*баща-та*, *чичо-то*) *добър* — «добрый мужчина (отец, дядя)». То же самое и при препозитивно расположенном прилагательном, только в этом случае уже и форма определенного артикля избирается согласно семантике пола денотата: *добри-ят* *мъж*, *баща*, *чичо* (-*ят* — фонетический вариант определенного артикля мужского рода -*ът*). При анафорической соотнесенности существительных всех трех вышеназванных типов также обнаруживается их бесспорная принадлежность к мужскому роду: *мъж-ът*, *баща-та*, *чичо-то* — *той* — «мужчина, отец, дядя — он» [см.: 4; 7; 8].

Существительные — названия взрослых лиц, даже если они относятся к характерной для среднего рода модели с исходом основы на *-е*, *-о*, *-и*, *-у*, по данным обоих авторов (а также и по другим данным) распределяются по родам согласно семантике пола денотата. Существительные, обозначающие лиц мужского пола, относятся к мужскому роду, например болг. *дядо* «дед», *чичо* «дядя» (со стороны отца), *вуйчо* «дядя» (со стороны матери), *лъжльо* «лгун», *слепчо* «невежда», заимствования типа *маестро*, *денди*, *гуру*¹, мужские имена типа *Алеко*, *Блажо*, *Петко*, *Христо*, мужские имена с исходом на *-е* (*Митре* —

¹ Существительным *пальачо* и *пиколо* «клоун, шут» в разных словарях приписываются разные грамматические значения — мужского или среднего рода, что, по-видимому, обусловлено их экспрессивностью [9, с. 95].

сокращенное от *Димитър*, и т.п.) и с исходом на *-и* (*Георги*, *Добри* и т.п.). То же самое в македонском языке, например *татко* «отец», *стрико* «дядя со стороны отца», *плачко* «плакса», *вуче* «дядя», мужские имена типа *Јане*, *Петре*, *Ѓорѓи*, *Марко* и т.д. Напротив, женские имена на *-е*, *-и*, типа *Лиле*, *Маре*, *Махи* и т.д., а также отдельные обозначающие женщин иноязычные заимствования типа *леди*, относятся к женскому роду: *хубавата леди* («прекрасная леди» [пример цит. по: 10, с. 26]). Р.П. Усикова отмечает возможность согласования имен типа *Лиле*, *Маре* по среднему роду, если они обозначают девочек, не достигших взрослого возраста: *мојата/моето Лиле, Маре* [4, с. 119], что не противоречит описанным выше принципам.

Колебания в роде иногда наблюдаются также у недавних иноязычных заимствований, особенно со слабо выраженной семантикой пола, например болг. *парвеню* (употребляется и в среднем, и в мужском роде [8, с. 130]), *протеже* [11, с. 149]. В данном случае «уточнение естественного пола лица не является актуальным» [10, с. 118]. Л.В. Мельникова в приведенной цитате имеет в виду, что данные существительные могут «употребляться для названия лиц как мужского, так и женского пола» и указывает на их сходство с именами общего рода («ср. с ИС общего рода» [там же]). Что касается существительных той же морфологической модели, но с более четко выраженной семантикой пола, типа *аташѐ* («атташе»; дипломатическая профессия по-прежнему считается преимущественно мужской), литературная норма как в болгарском, так и в македонском языке относит их к категории мужского рода [4, с. 119; 8, с. 130; 10, с. 117–118; 12, с. 17].

Итак, в болгарском и македонском языках к среднему роду могут относиться существительные, оканчивающиеся на гласные *-е*, *-и*, *-о*, *-у*, и из них действительно относятся к этому роду все неличные, а также обозначения невзрослых лиц, диминутивы с суффиксами *-е*, *-че*, *-иче*, *-ле*, *-енце*, *-ченце* [8, с. 130]; примеры см. выше), увеличительные с суффиксом *-ице*: *женице* «бабища» [там же], заимствования, которые могут обозначать лиц обоих полов и негативно окрашены эмоционально [11, с. 149]. Остальные же личные существительные данной морфологической модели получают родовую отнесенность согласно семантике пола денотата; описанный выше круг исключений из этого общего принципа в болгарском и македонском языках довольно широк, но не противоречит общим принципам, прослеживающимся в типологии категории грамматического рода.

Средний род в сербохорватском языке

Существительные среднего рода в сербохорватском языке в именительном падеже единственного числа могут иметь только два окончания: либо *-о*, например *дóбро* «имущество», *јело* «пища», *писмо* «письмо», либо *-е*, например *лице* «лицо», *пíће* «напиток». Исключением является слово *доба* «пора, время» [13, с. 53, прим. 6]. В числе существительных среднего рода, как и в болгарском и македонском языках, имеются обозначения невзрослого потомства людей и животных, например *déте* «ребенок», *ма́че* «котенок» (см. выше). Сюда же относятся сербские диминутивы с суффиксом *-че*: *унуче* «внучек», *каменче* «камешек».

В сербохорватском языке имеется также группа существительных с суффиксом *-ло*, характеризующихся колебаниями между мужским и средним родом (*тај* *блебетало* (м.р.) «тот болтун» или *то* *блебетало* (ср.р.)) [13, с. 55].

В словаре И.И. Толстого [14] большинство таких существительных имеют помету с. «средний род», например *баљезгало* с., *бенетало* с. «пустомеля, болтун», *грдило* с. «урод», *локало* с. «пьяница», *мувало* с. «пройдоха», *пецкало* с. «задира, зубоскал, насмешник»,

спадало с. «бездельник, негодник», *тењезгало* с. «нерешительный человек», но некоторые отнесены и к мужскому роду, например *бало* м. «1. сопляк, слюнтяй; 2. болтун»; *блебета-ло* м. «болтун, пустомеля», *издирало* м. «козел отпущения». Возможно, эти пометы были просто перенесены из сербских и хорватских словарей.

Средний род в новогреческом языке

Абсолютное большинство существительных среднего рода в новогреческом языке — неодушевленные, что и естественно для данной категории. В их составе имеются существительные с исходом на -ос, т. е. такие, окончание которых в именительном падеже единственного числа совпадает с окончаниями существительных мужского, женского и общего рода на -ос. Однако данные существительные среднего рода склоняются иначе. Справочная грамматика [15] указывает одно одушевленное существительное из этой группы — *то мѐлос*, «член» (употребляется в различных значениях), этимологически здесь возможна персонификация — ср. древнегреч. *та мѐλη* «члены (тела)» [16, с. 793], с пометой «обыкновенно во множественном числе». Помимо существительных на -ос в состав категории среднего рода в новогреческом языке входят также существительные с окончаниями -ας, -ως, -ο, -ι, на форманты -ια, -ιο и (в виде исключения) на -α, на -ν и на -ρ, а также значительная группа заимствований из западноевропейских языков, которые могут оканчиваться как на гласные, так и на согласные.

Имеются некоторые одушевленные исключения: например, фаунонимы *то αλοуο* «лошадь» и *то прѳατο* «овца», собирательное существительное *то αντρώυνο* «супружеская чета» и два результата персонификации — *то άτομο* «отдельная личность, индивидуум» (из древнегреч. *η άτομος* «неделимая частица, атом») [16, с. 217] и *то прѳωπο* «1. лицо; 2. личность» (из древнегреч. *то прѳωπον* «лицо, фасад» (переносное значение приобретено позднее)) [16, с. 1091]. У этих существительных отсутствует соотносительность с тем или иным полом (мотивирующий семантический признак пола).

В новогреческом языке к среднему роду относятся также несколько существительных, обозначающих детей, а именно: *то αυόρι* «мальчик», *то παιδί* «ребенок», *то κορίτσι* «девочка, девушка». Подобное явление в целом довольно типично для языков мира, имеющих средний род (ср. [5, с. 93]). А. Ралли, отмечая это явление в своей статье, дает ему объяснение, совершенно игнорирующее факт отнесенности данных существительных к особой лексико-семантической группе — обозначениям незрелого потомства людей. Согласно ее толкованию, эти существительные относятся к среднему роду всего лишь в силу формальных причин — принадлежности к 6-му склонению (по ее терминологии); она ссылается при этом на то, что якобы в системе языка более конкретная информация, к которой относится формально-морфологическая принадлежность к определенному типу склонения, имеет преимущество перед более общей, менее конкретной информацией, каковой является информация семантическая, т. е. указание на пол референта [17]. Ошибочность этого тезиса показывает обширный типологический материал, согласно которому у личных существительных, за исключением особых лексико-семантических групп — обозначений «незрелого потомства» и диминутивов — семантический критерий родовой мотивации имеет преимущество перед формальным. Исследовательница игнорирует тот факт, что ее тезис обоснован исключительно принадлежностью к среднему роду в новогреческом языке существительных двух типологически характерных групп — 1) перечисленной выше группы имен, обозначающих «незрелое потомство» (ср. русск. *дитя*; нем. *das Mädchen* «девочка, девушка», а также латинские бытовые дет-

ские имена типа *Glicerium*); 2) диминутивов с суффиксом *-аки*, например: *то авθροпаки* «человечек», *то уίναикаки* «миниатюрная женщина»; *то паидаки* «ребеночек» и образованных от собственных имен фамильярных форм типа *то Мараки* «маленькая Мария». Этим новогреческим диминутивам типологически соответствуют немецкие диминутивы с суффиксом *-chen* и латинские фамильярные имена детей типа *Glicerium*. Если же тезис А. Ралли был бы верен, то имена среднего рода встречались бы в новогреческом языке и среди других личных существительных, что не имеет места: существительные, обозначающие взрослых лиц, как то и характерно типологически, распределены между мужским и женским родами, а также относятся к общему, но не среднему роду.

Примечательно, что даже у существительных вышеописанной лексико-семантической группы средний род не является абсолютно устойчивым: у существительного *то коріτσι* возможно согласование по женскому роду, а не только по среднему (как и у немецкого существительного *das Mädchen*), например *то коріτσι прёпей ва ёίναи еρωτευмё-ви* «девушке следует быть привлекательной» [18, с. 2]. Интересно, что это один из редких в новогреческом языке случаев, когда согласование с прилагательными указывает на иное значение рода, чем определенный артикль.

О среднем роде в албанском языке — *neutro de materia*

Помимо классов мужского и женского рода в албанском языке выделяется также класс существительных среднего рода, показателем которого (в определенной форме) признается постпозитивный артикль *-t(ë)*, омонимичный артиклю существительных во множественном числе.

В состав этой категории в современном албанском языке входит, во-первых, небольшая (около пятнадцати слов) группа существительных, принадлежащих к древнему словарному фонду албанского языка, главным образом названий веществ (например, *dhjamë-t* «жир», *grurë-t* «пшеница», *gjalpë-t* «сливочное масло», *lesh-të* «шерсть», *miell-të* «мука», *mish-të* «мясо; плоть», *mjaltë-t* «мед», *ujë-t* «вода»). По мнению албанских ученых, категория среднего рода у этих существительных «имеет реликтовый характер» [19, с. 93].

К этому же родовому классу относятся также существительные отпричастного и отадъективного происхождения — имена качества и действия, названия абстрактных понятий и т. п., например, *të qenët* «бытие»; *të ecurit* «ходьба», *të ftohtët* «холод; простуда». В современном языке такие имена существительные, среди которых присутствует значительное число терминов, составляют продуктивный и многочисленный словообразовательный класс.

Одушевленных существительных среднего рода в современном албанском языке нет.

В албанистике неоднократно дискутировался вопрос о том, отвечает ли термин «категория среднего рода» содержанию определяемого им понятия. Видные ученые-албанисты XIX в. И. -Г. фон Хан и Г. Мейер, основываясь на совпадении морфологических показателей у существительных во множественном числе и у существительных данного разряда, были склонны видеть в них категорию собирательной множественности [20, с. 27; 21, с. 78]. Той же точки зрения придерживался и Л. Ельмслев (см. [22, с. 130, 133]). Однако Х. Педерсен обосновал происхождение существительных типа *ujë-të* от индоевропейского среднего рода, заложив основу господствующей сегодня в этом вопросе научной традиции (см. [23]). А. В. Десницкая, однако, вновь попыталась опровергнуть та-

кую точку зрения, предложив рассматривать данный класс существительных как особую «категорию (определенной) массы» [24, с. 71–93].

На данном этапе изучения вопроса здесь можно сказать только, что в диагностических контекстах типа *nga të nxehtit e madh*² «от сильной жары» формы среднего рода атрибута четко отличаются от форм и женского рода, и множественного числа (нулевой флексией), что не позволяет трактовать албанский средний род как категорию собирательной множественности, вопреки мнению И.-Г. фон Хана, Г. Мейера, Л. Ельмслева, — налицо показатели единственного числа.

Вопрос об отражении среднего рода албанских существительных на синтаксическом уровне действительно нуждается в дальнейшем исследовании, которое должно быть предпринято отдельно. Возвращаясь же к трактовке албанского среднего рода как особой категории, уместно вспомнить, что филологам-романистам давно известно о существовании в диалектах Южной Италии и в астурийском языке категории, именуемой *neutro de materia* «средний вещественный род». Он оформляет «неисчисляемые существительные, обозначающие вещество, качество, свойство, действие и противопоставленные как мужскому, так и женскому роду», например южно-итал. ср. р. *lo padre* «отцовство» (от м. р. *lu padre* «отец»), астур. ср. р. *fierro* «железо» (ср. м. р. *fiirru* «железяка»). «Этот же род имеют субстантивированные прилагательные и субстантивированные инфинитивы» [27, с. 37].

В современном албанском языке основу категории среднего рода составляют субстантивированные причастия (реже — прилагательные). Такие причастия чаще всего близки по значению субстантивированным инфинитивам, но в некоторых случаях — и субстантивированным прилагательным (ср. алб. ср. р. *të shëmtuar-it* «уродство» (от *i shëmtuar* «уродливый» — адъективированное причастие) и центр.-южно-итал. ср. р. *lo brutto* «уродство»; алб. ср. р. *të kuq-të* «красный цвет или краска» и южно-итал. ср. р. *lo rusciu* «красный, рыжий цвет». К ним примыкает описанная выше группа древних существительных со значением вещества, а еще точнее, со значением нерасчлененной массы вещества (один из зачинателей албанского языкознания С. Фрашери отмечал, что эти существительные переходят в мужской род, если говорящий хочет уточнить их вид, количество, состояние [28, с. 102]). Не случайно и А. В. Десницкая видела в этих существительных «категорию собирательности и массы» [24].

Итак, все вышесказанное дает веские основания трактовать средний род в албанском языке именно как *neutro de materia* — «средний вещественный род».

Об обоюдном роде в албанском и румынском языках³

В албанском языке к обоюдному роду относятся такие существительные, которые в единственном числе морфологически оформляются и согласуются как существительные мужского рода, а во множественном числе согласуются по типу женского и среднего рода и, как правило, морфологически оформлены также по типу женского рода (плюральный суффиксом *-e*) или среднего рода (плюральный суффиксом *-ra*).

² Пример цит. по [25, с. 27], со ссылкой на [26, с. 88].

³ В настоящей статье не рассматриваются имеющиеся в новогреческом и сербохорватском языках группы существительных мужского рода в единственном числе, которые во множественном числе могут изменять род на средний.

В румынском языке к обоюдному роду относятся существительные, которые, подобно албанским существительным, принадлежащим к тому же родовому классу, в единственном числе морфологически оформляются и согласуются по типу мужского рода, а во множественном числе согласуются по типу женского рода, причем большая часть из них получает и морфологический облик, характерный для женского рода (посредством оформления флексией множественного числа *-e*), хотя значительная часть этих существительных имеет иную флексию множественного числа *-uri* (из лат. *-or-a*, что указывает на генетическую связь с латинскими плюральными основами среднего рода).

Единственным надежным критерием отнесенности к этому родовому классу в обоих языках является согласование, хотя в албанском языке многие из этих существительных испытывают колебания в согласовании (иногда встречается их согласование по мужскому роду [29, с. 208–209]).

В албанских грамматиках эти существительные традиционно не выделяются в особый родовой класс, а именуются просто «амбигенными» (букв. «двуродовыми» — *dygjinishëm*). В румынских грамматиках эти существительные выделяются в особый родовой класс, но под названием среднего рода, и им приписывается особая семантика неодушевленности. Как будет показано ниже, этот тезис нуждается в уточнении.

Албанские существительные обоюдного рода могут иметь плюральный суффикс *-e*: ед. ч. *grushtë i mbledhur* «сжатый кулак» — мн. ч. *grushtë të mbledhura* (окончание множественного числа прилагательных *-a* указывает на форму женского рода) или плюральный суффикс *-ra*: ед. ч. *mall i shtrenjtë* «дорогой товар» — мн. ч. *mallra të shtrenjta*. Явление амбигении часто возникает и там, где плюральный формант *-a* присоединяется к исходу основы единственного числа на *-r*: ед. ч. *një libër i mirë* «(одна) хорошая книга» — мн. ч. *libra të mira*. у остальных существительных с плюральным формантом *-a*, а в других случаях и с плюральным формантом *-ë* явление амбигении возникает реже и проявляется неустойчиво. О. Бухгольц и В. Фидлер, приводят такие примеры из албанской литературы: ж. р. мн. ч. *hapat e para* vs. м. р. мн. ч. *hapat e parë* «первые шаги» [цит. по: 29, с. 209]. Часто оно отмечается у существительных с суффиксом *-ent*: *argumenta më të mira* «наилучшие аргументы» и у существительных, обозначающих «части тела и тому подобное»: *veshët e gjata* «длинные уши», *flokët e thinjura* «седые волосы» [29, с. 209; см. тж. 29, с. 242, прим. 14].

Румынские существительные обоюдного рода имеют плюральную флексию *-e*: ед. ч. *un scaun bun* «хороший стул» — мн. ч. *scaune bune* или плюральную флексию *-uri*: *un lucru frumos* «красивая вещь» — мн. ч. *lucruri frumoase*. Некоторые румынские существительные обоюдного рода образуют множественное число двояко (как с флексией *-e*, так и с флексией *-uri*). При этом в одних случаях не наблюдается смыслового различия: *canal* «канал» — мн. ч. *canale/canaluri*, в других же различные формы множественного числа соответствуют разным значениям: *raport* «доклад» — мн. ч. *rapoarte, raport* «отношение» — мн. ч. *raporturi* [30, с. 28].

В румынской грамматической традиции издавна утверждается, что классу имен существительных «среднего» (т. е. обоюдного) рода свойственна особая смысловая семантика, а именно семантика неодушевленности [31, с. 88–89 и прим. 33 — библиографические ссылки⁴]. При этом отмечаются некоторые исключения, а именно су-

⁴ Л. И. Лухт указывает, что семантика румынских существительных среднего (обоюдного) рода — это «обозначение предмета» [31, с. 89]. На наш взгляд, здесь чересчур значительное упрощение.

существительное *animal* «животное» и существительные с собирательным значением, обозначающие коллективы людей, например: *popor* «народ», *cabinet* «кабинет министров», *club* «клуб» (т. е. члены клуба), *batalion* «батальон», которые едва ли можно признать одушевленными с точки зрения общелингвистической типологии. Однако принципиально важно в данном случае другое: по-видимому, ни одному из этих существительных-исключений не свойственна семантика пола.

В албанском языке отмечается аналогичное явление. Л. В. Шарапова в статье «Согласовательные классы имен существительных в албанском языке», отмечает «критерий неодушевленности, являющийся отличительным признаком этого класса... в современном языке» [25, с. 38]. Напротив, И. И. Воронина пишет по поводу того же явления, что «для современного языкового состояния двойственное согласование существительных представляет собой явление формальное, лишенное особой грамматической семантики» [32, с. 20]. Который из этих тезисов верен? По-видимому, оба тезиса содержат в себе рациональное зерно, и в то же время оба нуждаются в уточнении.

Ш. Демирай также указывает, что данный класс существительных включает в себя «лишь названия неодушевленных объектов и растений» [33], но это утверждение неточно. В числе албанских существительных обоюдного рода О. Бухгольц и В. Фидлер выделяют «обозначения мелких животных», такие, например, как *baktere* «бактерии», *insekte* «насекомые», *mikrobe* «микробы». Впрочем, к этому же классу относятся и некоторые названия диких птиц, причем не только мелких, например: *shtërg* — *shtërgje* «аист — аисты», а также некоторые «абстрагированные обозначения лиц», например: *personalitete të larta* «высокопоставленные лица», *personazhe positive* «положительные персонажи» [29, с. 208–209]. Что общего у этих существительных с названиями предметов и абстрактных понятий? Только одно: всем им не свойственна семантика пола.

И. И. Воронина пришла к цитируемому выше выводу, проанализировав положение категории обоюдного рода в албанских говорах. Фактически ей удалось установить следующее: если в данном говоре в числе существительных характерного для обоюдного рода определенного морфологического типа оказываются такие, для которых релевантна родоразличительная семантика, особенно названия лиц мужского пола, например алб. диал. *gjysh* «дедушка» — мн. ч. *gjyshre*, то весь этот морфологический разряд в данном говоре не характеризуются двойственным согласованием, а входит в состав категории мужского рода [32, с. 19–27]. Но из этого следует, что для существительных обоюдного рода в албанском языке (как и в румынском) все-таки характерна особая семантическая характеристика (признак со знаком «минус»), а именно отсутствие семантики пола⁵. Только эту семантическую характеристику, а вовсе не категориальное значение неодушевленности можно приписать и румынским существительным обоюдного рода.

К. Тогебю, рассматривая формальное сходство албанской и румынской родовых систем, т. е. прежде всего наличие в обеих системах категории обоюдного рода при

⁵ Примечательно, что у некоторых существительных имеются дифференцированные семантические варианты образования множественного числа: вариант с суффиксом -ë указывает на то, что существительное обозначает лиц (мужского пола), а вариант с суффиксом -e указывает на неодушевленные объекты или понятия, например: *elemente kimike* «химические элементы» — *elementë armiq* «враждебные элементы» (о лицах определенных политических убеждений) [29, с. 209]. То же самое явление наблюдается у существительного *kampion* — в значении «геологический образец, проба» оно образует множественное число с суффиксом -e, а в спортивном значении «чемпион» и в значении «защитник» (ср. англ. *champion*) — с суффиксом -ë [3, с. 70].

отсутствии традиционного среднего, видел в этом влияние фракийского субстрата [34]. Согласно Ш. Демираю [33], той же точки зрения придерживались М. А. Габинский и А. Росетти. Л. В. Шарапова оспаривает правильность такой гипотезы, указывая на то, что в албанском языке средний род все-таки есть, тогда как в румынском его нет [25, с. 35]. Однако едва ли можно согласиться с Л. В. Шараповой в том, что албанский средний род сохраняет «различительные признаки» индоевропейского среднего рода (см. [там же]).

Ш. Демирай видит в явлении амбигении в албанском языке (оставляя в стороне румынский) простое действие закона аналогии — существительные, имевшие во множественном числе типичные для женского рода окончания, уподобились существительным женского рода и по своему согласованию во множественном числе (в тех случаях, когда этому не препятствовала семантика пола, у одушевленных существительных часто очевидная). Однако в этом случае возникает неизбежный вопрос — чем объясняется то, что существительные мужского рода приобрели плюральные аффиксы, типичные не для мужского (как, например, *-ë*), а для женского рода? И нельзя не замечать бросающееся в глаза сходство не только в составе системы родовых классов, но и в форме основных плюральных аффиксов обоюдного рода (*-e* и *-ra* в албанском языке, *-e* и *-uri* — в румынском). Если добавить к этому сходство на семантическом уровне (отсутствие у существительных обоюдного рода семантики пола), хотя оно и может быть обусловлено прагматическими причинами, наличие подобной почти полной аналогии все-таки наводит на мысль либо о тесном взаимовлиянии румынского и албанского языков на этапе их дописменного развития (до XIV–XV вв.), либо о правильности «субстратной» гипотезы К. Тогебу, либо о том и другом вместе⁶.

Итоги

Семантическая мотивированность грамматического рода личных имен существительных и наибольшая последовательность синтаксического критерия определения рода — в балканских языках это столь же убедительные закономерности, как и в целом в лингвистической типологии. В статье описаны некоторые исключения из этих правил и показано, что они ни в коей мере не позволяют ставить сами эти правила под сомнение.

⁶ Есть еще одна попытка объяснить это явление. Румынский лингвист И. Пэтруц объяснял его влиянием латинского языка, но Ш. Демирай отвергает и это, настаивая на независимом развитии амбигении в албанском и румынском языках и утверждая, что латинское влияние на грамматическую систему албанского языка было «очень слабым» и что явление амбигении в албанском языке представляется ему менее древним, так как его почти не сохранили обычно консервативные арберешские диалекты [33]. Но эти диалекты — тоскские (представляют южный вариант албанского языка), а в гегских (северных) древнейших памятниках албанской письменности оно представлено в полной мере, как об этом пишет и Ш. Демирай [35, с. 31; 36, с. 207]. По его словам, амбигения в гегском варианте албанского языка более распространена и «представляется древнее», чем в тоскском [35]. О большей распространенности этого явления в современном гегском, чем в тоскском, В. Фидлер пишет, что это относится только к существительным с плюральным формантом *-e*, но не *-ra* (гегск. *-na*), так как у этих последних «все обстоит наоборот» [37, с. 101], но по поводу большей древности амбигении в гегском варианте албанского языка он подтверждает мнение Ш. Демирая. Возможно, поэтому в албанском литературном языке, основанном на тоскской норме, явление амбигении менее стабильно, чем в румынском. Мнение же Ш. Демирая о его независимом происхождении в этих двух языках основано на двух спорных предпосылках: что оно сложилось в эпоху, когда восточнороманские и древнеалбанский языки уже не находились в ареальном контакте [36, с. 208], и что воздействие латыни на язык предков гегов и тосков было одинаковым по силе и одновременным.

Демонстрируется наличие четкой аналогии в семантике и грамматическом оформлении болгарских и македонских (*дете-то* «ребенок»), сербохорватских (например, *дете* «ребенок»), новогреческих (например, *то παιδί* «ребенок») и одного староалбанского (*djalë-të* «младенец») существительных среднего рода, обозначающих потомство людей, а также многочисленные аналогии в семантике и грамматическом оформлении существительных обоюдного рода (амбигенных) в албанском и румынском языках.

Предложена также новая характеристика среднего рода в албанском языке как в ди-хроническом аспекте, так и особенно в его нынешнем состоянии.

Источники и литература

1. Bazell C. The Rumanian neuter: a rejoinder. *Cahiers Sextil Pușcariu*. 1953. II.
2. Лухт Л. И., Нарумов Б. П. Румынский язык // Языки мира. Романские языки. М., 2001. С. 574–636.
3. Fonetika dhe gramatika e gjuhës së sotme letrare shqipe. Vol. I–II. Tiranë, 1976. Vol. II. 400 f.
4. Ускова Р. П. Грамматика македонского литературного языка. М., 2003. 376 с.
5. Немировский М. Я. Род и пол: из истории античной грамматики и ее влияния // Уч. зап. Северо-Осетинского гос. пед. ин-та. Орджоникидзе, 1938. Т. 1. С. 53–103.
6. Сардушкин В. М. Грамматический род одушевленных существительных в албанском языке: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2002. 247 с.
7. Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956. 292 с.
8. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981. 407 с.
9. Aronson H. I. The Gender System of the Bulgarian Noun // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1964. N 8. P. 87–101.
10. Мельникова Л. В. Категория рода в современных болгарском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 1996. 154 с.
11. Станков В., Мурдаров В. Главоболия с чуждите думи. София, 1983. 167 с.
12. Стоянов Ст. Грамматическата категория определеност в българския език (Членуване на имената). София, 1980. 208 с.
13. Ivić M. Relationship of Gender and Number in Serbo-Croatian Substantives // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 1963. N 6. P. 51–57.
14. Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. Српскохорватско-руски речник. М., 2001. 731 с.
15. Holton D., Mackridge P., Philippaki-Warbuton I. *Greek: a comprehensive grammar of the modern language*. London, 1997. 544 p.
16. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб., 1899. 1370 стб.
17. Ralli A. The role of morphology in gender determination: evidence from Modern Greek // *Linguistics*. 2002. Vol. 40, N 3. P. 519–551.
18. Chila-Markopoulou D. Le genre et la grammaire. La variation du genre et la notion du prototype en grec modern. Université d'Athènes. 2005. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:NXieRD1vMskJ:a.donabedian.free.fr/textes/Markopoulou%2520Handout.doc+23.+Chila-Markopoulou+D.+Le+genre+et+la+grammaire.+La+variation+du+genre+et+la+notion+du+prototyp+en+grec+modern.+Université+d'Athènes.+2005.&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 11.04.2010).
19. Gramatika e gjuhës shqipe. Vol. I–II. Tiranë, 1995. Vol. I. 452 f.
20. Hahn I. G. von. *Albanesische Studien*. Vol. I–III. Jena, 1854. Vol. II. 169 S.
21. Meyer G. *Kurzgefasste Albanesische Grammatik*. Leipzig, 1888. 105 S.
22. Ельмслев Л. О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 114–152.

23. *Pedersen H.* Das Albanesische Neutrum // *Zeitschr. f. vergl. Sprachforschung.* 1897. Bd 34. S. 283–291.
24. *Десницкая А. В.* Категория собирательности и категория массы в истории грамматического строя албанского языка // *Грамматический строй балканских языков.* Л., 1976. С. 5–105.
25. *Шарапова Л. В.* Согласовательные классы имен существительных в албанском языке // *Проблемы синтаксиса языков балканского ареала.* Л., 1979. С. 16–43.
26. *Fjalor i gjuhës shqipe.* Tiranë, 1954. 648 f.
27. *Алисова Т. Б., Челышева И. И.* Романские языки // *Языки мира. Романские языки.* М., 2001. С. 15–56.
28. *Frasheri S.* Shkronjëto e gjuhës shqip prej S. H. F. (1886) // *Frasheri S. Vepra.* Tiranë, 1988. Vol. 2. S. 95–221.
29. *Buchholz O., Fiedler W.* Albanische Grammatik. Leipzig, 1987. 582 S.
30. *Ренина Т. А.* Румынский язык. М., 1968. 189 с.
31. *Лухт Л. И.* Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Румынский язык. М., 1970. 219 с.
32. *Воронина И. И.* Динамика существительных с двойственным согласованием (амбигенных) в албанских говорах // *Проблемы балканистики.* СПб., 1992. С. 19–27.
33. *Demiraj Sh.* The Change of Gender in Albanian Nouns // *Albanian Life.* 1969. N 2.
34. *Togeby K.* Le neuter en roumain et en albanais // *Revue Romane.* 1968. Num. Special 2. Copenhague. P. 150–164.
35. *Demiraj Sh.* Morfologjia e gjuhës së sotme shqipe. Prishtinë, 1971. 288 f.
36. *Demiraj Sh.* Gramatikë historike e gjuhës shqipe. Tiranë, 1986. 1167 f.
37. *Fiedler W.* Zum Genus im Albanischen // *Beitrage zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung.* 1965. N 5. S. 87–102.

Статья поступила в редакцию 25 января 2011 г.